

Ю. А. Мизис

Голоса из прошлого: эпистолярные источники тамбовских лагерей военнопленных в годы Второй мировой войны

В советских лагерях военнопленных в годы Второй мировой войны существовала практика написания писем домой, что соответствовало духу Гаагской и Женевской конвенций. Юридической основой для возможности переписки военнопленных с родственниками стал Приказ НКВД СССР от 7 августа 1941 г. Была подготовлена Инструкция о порядке содержания и учета в лагерях военнопленных, которая содержала раздел о переписках, посылках и денежных переводах¹. О такой практике писал ряд исследователей, однако образцов подлинных писем сохранилось немного, и в основном они касались периода после окончания войны². Мы рассмотрим это явление на примере Тамбовского лагеря военнопленных № 188, который был открыт в декабре 1943 г. Сюда были присланы первые группы военнопленных из-под Сталинграда: немцы, венгры, румыны и итальянцы и др. Основная их часть попала в плен в ноябре 1942 г., другие — в январе 1943 г. В январе — мае 1943 г. руководство лагеря получило из центрального аппарата Главного управления по делам военнопленных и интернированных (далее — ГУПВИ) НКВД специальные открытки для военнопленных. У советских политорганов возник план использования такой переписки в пропагандистских целях. По лагерям направили предложения подготовить письма и проанализировать их с точки зрения воздействия на противника. Об этом прямо говорится

Мизис Юрий Александрович
доктор исторических наук, профессор,
Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия)

в сопроводительном письме к открыткам в ГУПВИ НКВД СССР из Тамбовского лагеря: «Направляю Вам письмо военнопленного священника лейтенанта итальянской армии Франдзено Эмиля к папе. Считаю, что это письмо представляет интерес и может быть использовано для пропаганды», — писал старший политрук лагеря № 188 А. Ф. Жидовленков³.

Реальной переписке военнопленных с родными через Красный крест препятствовали обстоятельства ожесточенной войны, когда все противники стремились не допустить проникновение лишней информации в свой тыл. Поэтому с трудом можно было себе представить, что руководство ГУПВИ СССР собиралось эти открытки в начале 1943 г. использовать по прямому назначению. Попытка подготовить такие письма-листочки была предпринята в лагере № 188, где этой работой занимался заместитель начальника управления лагеря по политической части старший политрук А. Ф. Жидовленков, ставший впоследствии начальником моршанского лагеря № 64. Он направил заместителю начальника по политической части Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных Воробьеву 234 открытки, написанные военнопленными лагеря № 188⁴. Впоследствии он же отчитался перед Москвой об отправке 130 почтовых открыток военнослужащих немецкой армии и 189 открыток военнопленных венгерской армии, а также трех открыток итальянцев⁵. Все они находятся в настоящее время в одной папке дела РГВА⁶. В деле представлены подлинные тексты и переводы на русский язык таких открыток, выполненные на плотной грубой бумаге. Все письма были написаны на венгерском, итальянском, немецком и румынском языках и сопровождались переводами на русский язык. Здесь же хранятся воззвания итальянских, румынских и немецких военнослужащих к своим соотечественникам, написанные в этот же период. К ним прикладывались обращения военнопленных-антифашистов к соотечественникам, воюющим на фронтах.

Другой комплекс документов, рассказывающий о быте и повседневной жизни военнопленных, — это альбомы, сделанные перед возвращением на родину в 1946–1947 гг. Управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР рекомендовало руководителям лагерей подготовить через свой антифашистский актив подобные «дембельские» парадные альбомы⁷. Мы имеем в своем распоряжении альбомы японских, румынских, венгерских и австрийских военнопленных. Все использованные комплексы источников готовились в разное время, тем не менее они представляют интерес не только в связи с особенностями их появления. Эти источники также были связаны едиными пропагандистскими целями советских политорганов, представляя собой одну из форм антифашистской работы. Первые два источника были направлены на солдат армии противника в качестве психологического оружия, альбомы — на придание Советскому Союзу респектабельного вида перед лицом мировой общественности.

Все эти документы опосредованно отражают психологию военнопленных в советских лагерях и отмечают определенный ракурс изучения поведения человека, выхваченного из привычной обстановки и брошенного в замкнутое, враждебное социальное пространство, коим является тюрьма или лагерь пленных⁸.

О подобных переживаниях писал австрийский психолог, психиатр и невролог Виктор Франкл, сам отсидевший в немецком концентрационном лагере⁹.

Важнейшим стимулом, мотивацией жизни являются в его понимании ценности и идеалы. Он подчеркивал, что без цели, ради которой стоит жить дальше, человек не доживал до конца плена, и здоровые крепкие люди, зачастую не имея таких ценностных ориентиров, погибали раньше, чем слабые и больные, сохранившие волю к жизни. «Не последний из уроков, которые удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать», — писал В. Франкл¹⁰. Он отмечал приоритет силы воли на войне, которая преодолевает инстинкты, смысл существования человека — ему важно ощущать свою необходимость и ответственность за то, что он делает. «Быть человеком — это значит быть осознающим и ответственным», — подчеркивал В. Франкл¹¹. Каждым человеком управляла единственная мысль: сохранить свою жизнь для семьи, которая ждет его дома. «Обычно выживали только те заключенные, кто после долгих лет заключения и перебросок из лагеря в лагерь избавлялся от всех остатков угрызений совести в своей борьбе за существование; они были готовы воспользоваться любыми средствами, честными и нечестными, грубой силой, воровством и предательством друзей, чтобы спасти себя»¹². В. Франкл говорил, что наступление апатии, притупление эмоций и чувство равнодушия постепенно делали его нечувствительным к ежедневным и ежечасным избиениям, приводили к регрессии — возврату к более примитивной форме душевной жизни; с потерей веры заключенный терял духовную стойкость, опускался и становился объектом душевного и физического разложения.

Поэтому военнопленные, оказавшиеся в лагерях, пытались найти тот смысл своего существования, который помог бы им выжить и сохранить себя как индивида. Важным моментом в этом психологическом надломе играла возможность написать письмо родным и близким. На войне обостряются чувство жизни и смерти, у солдат должно было появиться четкое понимание того, за что они борются, страдают и умирают. Размышления об этих проблемах нашли отражение в письмах солдат с фронта, где они пытаются объяснить родным, да и себе, смысл своего пребывания на фронте¹³. Однако в плену окончательно рушились все связи с внешним миром, с привычным, хотя тяжелым и опасным бытом фронтовых буден. Особенно остро и тяжело переживали плененные солдаты отсутствие возможности общаться, хотя бы и по переписке, с близкими.

Поэтому, получив бланки открыток, военнопленные лагеря № 188 попытались ободрить себя и своих родных возможностью скорой встречи. Надо учесть, что эти письма писались вскоре после пленения, когда еще не все до конца осознали случившуюся катастрофу. Получив задание, руководство лагерей начало работу со своим контингентом. Политработники и оперативники лагеря отобрали потенциальных антифашистов из числа военнопленных. Одним из них стал румын Тыричан Женика, капрал 15-го пехотного полка¹⁴. Он родился в румынском городе Бузеу и закончил коммерческую академию, до войны работал главным бухгалтером. Одновременно вступил в партию социалистического направления «Железная гвардия», был членом ЦК, отвечал за политическую работу. Он убеждал оперативников в своих серьезных связях в офицерской и солдатской среде румынских

войск, находящихся под Воронежем. Предлагал свои услуги в выступлении по радио или написании прокламаций для своих сослуживцев.

Степень недовольства румынских солдат отношениями с немцами, а также наличие крестьянской психологии для значительной части румынских военнослужащих, характеризует допрос Савы Фларе¹⁵. Как крестьянин-единоличник, до войны он имел земельный участок в 1 га. Румынским солдатам правительство Антонеску обещало дополнительные земельные наделы в Одесской области и возвращение на Родину. Однако после взятия Одессы туда вошли немцы, которые, по его словам, грабили местное население, вывезли весь хлеб и много сельскохозяйственной продукции. Румынских солдат второй раз отправили на фронт, объясняя это необходимостью «бороться за крест против большевиков, уничтоживших религию». Однако, проходя мимо русских сел, румынские солдаты видели в большинстве из них иконы и поняли весь обман руководства Румынии. Их также пугали жестокостью большевиков: если они попадут в плен, то их обольют бензином и заживо сожгут. Все это, по словам С. Фларе, изменило их представление о характере войны.

Группа солдат румынской армии из числа военнопленных лагеря № 188 подготовила обращение к румынскому народу. В нем явно чувствуется опытная рука советского политработника. В обращении особо подчеркивалось гуманное отношение советских властей к военнопленным: предоставление бани, очистка грязной одежды в дезкамере, выдача жиров и продуктов больше, чем выдают рабочим на фабриках и заводах в Румынии, возможность собираться в клубе на конференции и концерты художественной самодеятельности, посещать кружки и репетиции хора, слушать радио и читать газеты. В конце текста они призывали не подчиняться правительству Антонеску, переходить на сторону Красной Армии, организовывать саботаж на предприятиях, препятствовать железнодорожному сообщению.

Работа с группой итальянских военнопленных также дала результат. Они подготовили обращение к итальянским солдатам на фронте. В нем особое место отводилось проблеме объяснения причин войны и пребывания итальянцев в России: «Если вы готовы пожертвовать своей жизнью, то ради своей Родины. Неужели это национальные интересы, послать вас за 2000 км воевать против народа, который защищает свою свободу, свою независимость»¹⁶. Итальянские антифашисты предлагали бросать оружие, саботировать приказы офицеров, не стрелять в советских солдат и сдаваться в плен. Приводились примеры гуманного отношения к пленным, выдача горячей пищи, хлеба, сахара, чая.

Обращение к однополчанам подготовили и немецкие военнопленные¹⁷. Для советских политорганов включение немецких военнопленных в антифашистскую деятельность было особенно важным обстоятельством¹⁸. Первое такое обращение немецких солдат к своим однополчанам на фронте появилось в ноябре 1941 г. в лагере № 58¹⁹. Продолжением стало обращение немецких военнопленных тамбовского лагеря. В нем отмечались начало тотальной мобилизации и отсылка новых солдат на фронт, что приведет к бесполезному пролитию немецкой крови. Авторы обращения отметили факт попадания в плен на разных участках фронта после начала решительного наступления Красной армии. Спасти, по их мнению,

могли только попавшие в плен военнослужащие. Отмечалась преступная политика Гитлера и его окружения по уничтожению немецкого народа. В конце обращения предлагалось не стрелять в красноармейцев и кончать войну, завершалось оно призывом «Смерть гитлеровским бандитам!». Понятно, что в подготовке обращений военнопленных заметна пропагандистская составляющая, однако можно признать, что определенной части военнослужащих плен открыл глаза на цели и идеологию идущей войны. Оказавшись в лагере, они должны были ответить для себя на многие вопросы, связанные с продолжающейся войной и отношением к руководству гитлеровской Германии. Особенно это касалось лиц не немецкой национальности.

Другой комплекс документов, хранящихся в этом деле, связан непосредственно с открытками и письмами домой. Проводилась активная политическая антифашистская работа со всеми крупными группами военнопленных лагеря, которые в этот период находились там: немцами, итальянцами, румынами и венграми.

Сменивший на посту заместителя начальника управления лагеря А. Ф. Жидовленкова Смоляков отметил работу с тремя итальянцами. Он подчеркнул, что Джузеппе Ротоло является крупным специалистом в Италии и имеет 40 научных трудов, а Анджелло Коломбо — антифашист. Вальтер-Тенент Спинелли, по мнению политработника, первые два месяца вел профашистские разговоры. Однако в ходе политбесед он изменил свои взгляды и попросил помощи для спасения жизни тысячам итальянцев, воюющих на территории СССР. Это позволило получить от него открытку антигитлеровского содержания. В письме военврача третьего ранга, профессора хирургии Д. Ротолло своим коллегам — врачам из госпиталя Милана он отмечал, что работает в госпитале лагеря военнопленных и лечит своих товарищей, которые получают хорошее питание и заботливый уход.

В открытке, направленной Итальянской федерации зимнего спорта, спортсмен-лыжник Марио Аванцине из Радинского лагеря подчеркивал: «Нахожусь несколько месяцев в плену в Советском Союзе, я заметил умную и образцовую организацию зимнего спорта в России. Мне как чемпиону Италии по лыжному спорту, были уделены особый уход и уважение. Лыжный спорт здесь очень развит... Я надеюсь, что бесспорно вернусь в Свободную Италию, где я смогу возобновить свою деятельность и выиграть для своей Родины лавровый венок»²⁰ (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация оригиналов). Здесь же находилась его открытка матери, в которой он сообщал о плене и своем особом положении в лагере.

В некоторых письмах говорится о приложенных к открытке фотокарточках, которые должны были подтвердить правдивость текста. Однако самих фотографий в сохранившихся делах нет. В основном письма были обращены к родственникам: родителям, женам, детям. Большинство из них лаконичны и сообщают о том, что военнопленные здоровы, чувствуют себя лучше, чем в армии. В письмах сквозит тоска по близким и детям, мирной жизни: «Хотелось бы искреннее желание быть дома около вас», «хотелось про дом что-нибудь слушать». В некоторых письмах встречается обращение «милая женка», «любимая женка», «милая мамушка», «милые родители».

Военнопленные искренне думали, что через Красный крест смогут получить из дома посылки весом до 3,5 или даже 10 кг. Некто венгр Фари просил прислать

сахару, яблоки, груши, перцу, соль, муку, свиную колбасу, табак, деньги²¹. Наивное представление о том, что в СССР можно было что-то приобрести на валюту, находясь в лагере, еще пока их не покинуло. В некоторых письмах военнопленные уверяют своих близких в том, что можно получить посылку через Красный крест в течение 10–12 суток.

Иногда встречались личные просьбы. Так, венгр Имре (фамилия отсутствует) в письме к жене просит продать бондарный материал, но сохранить инструмент, рассчитывая после войны вернуться к своему промыслу²². Он также предлагает прислать посылку с продуктами: салом, колбасой, табаком, спичками, бумагой и печеньем. Особенно чувствуется нехватка табака для курильщиков, и они умоляют родных его срочно прислать. Венгры Иштван и Кальман в письмах отмечают: «Хотя в плену и не особенно приятно, но лучше, чем пропадать»²³. Далее они также просят прислать сала, колбасы мясной и на яйцах, сушеного теста, немного соли, красного перцу, как можно больше сахару (до 10 кг), мясных консервов, 1 зубочистку, трубку зубной пасты, табака или папирос. Оба указывают на свое ранение и лечение в русском госпитале, после чего они, собственно, и были направлены в лагерь.

В письмах немецких военнопленных те же просьбы, что и у других: присылка продуктов, табака, консервов. Вольфганг Вал в письме своей матери приводит описание своей хорошей жизни в плену у русских: «Мы такую жизнь не ожидали. Только одно желание, что бы война скоро кончилась, а что бы русский и немецкий народ в мире работать мог»²⁴. Одновременно с этим типичные просьбы о «присылке продуктов»: сала, жиру, колбасы, супных консервов, папирос и табаку. Просили также прислать мармелад или сахар.

Информация о смертности в лагерях в переписке практически отсутствует. Только в письме Вальтера Шана упоминается гибель его товарища Бишоп Ювера и заболевшего Гаса из с. Эрдберг, который попал в лазарет. В большинстве писем явно прослеживается тоска по дому. Иоган Шлий в письме к родственникам утверждал, что в том же году война закончится и он приедет домой²⁵. Из содержания письма неясно, чем подтверждался его оптимистический прогноз. Роберт Вепелинг в письме к жене в с. Нордвале с крестьянской непосредственностью интересуется здоровьем своих родителей и спрашивает, убили ли они свинью в этом году. Он обещает, что в следующем году обязательно приедет и сам будет присутствовать при «убитии свиньи»²⁶. Артур Тенц в письме подчеркивает: «Война мне так надоела, что мне становится дурно»²⁷.

Почти во всех письмах военнопленные уверяют, что чувствуют себя хорошо, что их сытно кормят, оказывают медицинскую помощь. Чувствуется желание не обременять своих близких негативной информацией. Очень часто идет рефреном текст «чувствую себя хорошо», «жив, здоров», «здесь все получаю», «я русских уже люблю». Обязательно подчеркивается хорошее отношение со стороны советских властей, которые не считают военнопленных своими врагами. Отмечаются походы в кино. Во многих письмах сквозит мысль о скором окончании войны.

В то же время лагерная реальность была совершенно иной. Период с декабря 1942 г. по весну 1943 г. был самым тяжелым в лагере № 188: массовая смертность, болезни, из которых самыми страшными были тиф и алиментарная дистрофия, полуголодное содержание, отсутствие санитарных норм, перебои с питьевой

водой, недостаток оборудования, топлива и транспорта. Лагерь формировался на ходу и не был готов к приему такого количества военнопленных. Большинство из них попали в плен в обмороженном, полуголодном состоянии, при этом они должны были еще перенести тяжелый, зачастую занимавший не одну неделю переезд от места сборного пункта до лагеря. В зимний период многие работы по благоустройству лагеря невозможно было провести, и минимальные изменения начались только после таяния снега к лету. Естественно, что бодрые, полные энтузиазма и оптимизма письма не отражали настроения и состояния большинства военнопленных, многие из которых просто не дожили до первых теплых дней.

Альбомы военнопленных носят парадный характер. Готовясь к отъезду на родину, пленные готовы были выполнить все требования политработников и составить оптимистичные заметки о времени пребывания в плену с обязательными благодарностями руководству лагерей и правительству СССР. Как правило, их составляли антифашисты из числа военнопленных, сочувствующие советской власти. В фондах музея областного управления внутренних дел по Тамбовской области хранятся три образца таких альбомов, созданные японскими (лагерь № 188) и австрийскими военнопленными, а также польскими интернированными (лагерь № 64). Среди представителей Польши в лагере № 64 абсолютное большинство составляли депортированные из страны в 1944–1945 гг. гражданские лица — мужчины и женщины. В 1945 г. их отправили в Осташковский лагерь № 41 в Рязани, где они образовали «Клуб демократии». В январе 1946 г. 840 поляков были репатриированы, а остальных в мае 1947 г. перевели в Моршанский лагерь № 64 (рис. 1, 2, 3).

Первые австрийские военнопленные начали прибывать из-под Сталинграда 19 июня 1943 г., однако отдельной австрийской группы антифашистов длительное время в лагере не было, они соседствовали с немецкими военнослужащими. В тексте альбома отмечались длительность процесса объединения с немецкой группировкой и сильное влияние на австрийских офицеров фашистской идеологии. Только с 1 сентября 1946 г. на собрании австрийских антифашистов в лагере № 64 была создана подобная лагерная группа, которая и подготовила соответствующий альбом. В нем отмечался путь австрийской антифашистской группы, прошедшей подготовку в Красногорском лагере № 27 и вернувшейся в моршанский лагерь. На последних страницах альбома австрийские военнопленные выражали благодарность советскому народу: «С особенным удовлетворением мы смогли убедиться, что с нами обращались справедливо и гуманно».

Альбом японских военнопленных был выполнен в двух экземплярах: один — на японском языке с любительскими фотографиями весьма низкого качества, а другой — на русском языке без иллюстраций. В альбоме японских военнопленных много индивидуальных записей, сделанных антифашистским активом (рис. 4, 5). В них представлена информация о впечатлении, которое произвели на японцев советские люди. Они выражали удивление, узнав о достаточно высоком уровне политической грамотности населения и его хорошей информированности. «Я непосредственно разговаривал с советскими людьми и узнал, что у них нет никаких предрассудков о национальном неравенстве», — писал военнопленный Мурамоцу Акио. Представители демократического движения среди японских солдат особо

Рис. 1. Альбом польских интернированных лиц, Шахматный кружок. Лагерь № 64 (1947 г.)

Рис. 2. Альбом польских интернированных лиц, Польская команда по волейболу. Лагерь № 64 (1947 г.)

Рис. 3. Альбом польских интернированных лиц. Польский ансамбль песни и пляски. Лагерь № 64 (1947 г.)

Рис. 4. Обложка альбома японских военнопленных лагеря № 188 (1947 г.)

Рис. 5. Альбом японских военнопленных лагеря № 188 (1947 г.)

отмечали рост в лагере военнопленных настроений, направленных на свержение императорского режима, и якобы расширение влияния коммунистических взглядов, что нашло отражение в соцопросах (рис. 6).

Естественно, что авторами этих альбомов были группы антифашистов, о чем прямо говорилось в сопроводительных текстах. В конце польского альбома имелась приписка: «В связи с нашей трехлетней жизнью на Советской земле, мы поляки оставляем этот альбом на вечную память Великому советскому народу». В тексте альбома особое место занимали материалы о классовых противоречиях и теории марксизма как единственно правильного учения.

исключительно восстановлению народного хозяйства С.С.Р., результат референдума
показывает рост демократического движения. (Хаяси Мичио)

Показатель референдума:

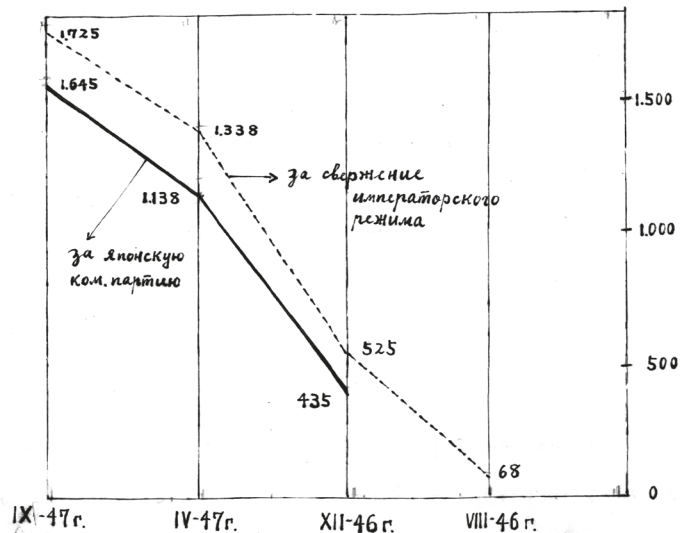

Рис. 6. Альбом японских военнопленных лагеря № 188. График социологического опроса о росте антиимператорских настроений и прокоммунистической идеологии среди японских военнопленных лагеря № 188 (1947 г.)

Таким образом, коллекция эпистолярных материалов военнопленных тамбовских лагерей — весьма специфический источник, созданный при непосредственном участии и определенном давлении руководства лагерей, стремившихся выполнить распоряжение руководства ГУПВИ НКВД — МВД СССР. Без сомнения, все они носили пропагандистский характер, но в них было немало искренней информации, отражающей взгляды некоторых военнопленных, прошедших антифашистскую подготовку. Советское руководство рассчитывало, что они станут опорой коммунистического движения в своих странах после возвращения на родину. Самое главное, что в подобных эпистолярных материалах нет чувства раскаяния за преступления, совершенные военнослужащими вермахта на советской земле, особенно против мирного населения. Большинство военнопленных были способны лишь на констатацию собственных переживаний и тягот плена. В позднейших воспоминаниях, созданных годы спустя, предпринимались попытки сравнить пребывание в лагере военнопленных в СССР с содержанием узников в нацистских концлагерях смерти²⁸. Многие из иностранных военнопленных, покидая советские лагеря, так и не поняли, что приходится в гости без спроса с оружием, пусть и не по своей воле, участвовать в разорении страны, убийстве невинных стариков,

женщин и детей нельзя. За эти деяния следовало неизбежное наказание в виде плена, со всеми тяготами и лишениями.

¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская; под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. С. 165–166.

² *Сидоров С. Г.* Военнопленные и интернированные в СССР. 1939–1956 гг.: связь с родиной // Вестник ВолГУ. Сер. История. Философия. 1998. Вып. 3. С. 30–44; *Ходяков М. В.*: 1) Переписка иностранных военнопленных в лагерях НКВД — МВД Эстонии во второй половине 1940-х гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 39–55; 2) Иностранные военнопленные Великой Отечественной войны в лагерях НКВД — МВД Эстонии. 1944–1949 гг. СПб., 2016. С. 194–212; *Костенецкий А. В.* Военнопленные в СССР: связь с родиной и возвращение домой (по материалам ГА РФ) // Проблема военного плена: история и современность. Вологда, 1997. Т. II. С. 143–146; *Кузминых А. Л.* Военный плен и интернирование в СССР (1939–1956 годы). Вологда, 2016. С. 299–301.

³ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 56. Оп. 5. Д. 6. Л. 4 (Письма и воззвания военнопленных).

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 15–16.

⁶ Там же.

⁷ Нами были рассмотрены три таких альбома, составленные японскими, польскими и австрийскими военнопленными, хранящиеся в музее Управления МВД России по Тамбовской области.

⁸ *Галицкий В. П.* Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63; *Кузминых А. Л.* Немецкие военнопленные в СССР: социально-психологический аспект проблемы // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 168–180.

⁹ *Франкл В.* Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем., общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вступ. статья Д. А. Леонтьева. М., 1990. С. 192.

¹⁰ Там же. С. 36.

¹¹ Там же. С. 220.

¹² *Франкл В.* Человек в поисках смысла. URL: <https://psyline.retter.ru/book/frankl.pdf>. С. 5, 7 (дата обращения: 26.04.2013).

¹³ Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО» [Центр документации новейшей истории Тамбовской области]): сб. документов / под ред. В. Л. Дьячкова. Тамбов, 2005.

¹⁴ РГВА. Ф. 56. Оп. 5. Д. 6. Л. 5.

¹⁵ Там же. Л. 11.

¹⁶ Там же. Л. 22.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ *Галицкий В. П.* Гитлеровцы против Гитлера. Создание антифашистского движения среди немецких военнопленных офицеров в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 18–24.

¹⁹ *Всеволодов В. А.* Военнопленные 1941 года (идеологические, правовые и военные аспекты проблемы) // Проблема военного плена: история и современность. Вологда, 1997. Т. II. С. 37.

²⁰ РГВА. Ф. 56. Оп. 5. Д. 6. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 25.

²² Там же. Л. 28.

²³ Там же. Л. 30.

²⁴ Там же. Л. 103.

²⁵ Там же. Л. 67.

²⁶ Там же. Л. 68.

²⁷ Там же. Л. 76.

²⁸ Митчи III. Тамбов. Хроника плена 1944–1945. Время испытаний, надежд и разочарований. СПб., 2015.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Мизис Ю. А. Голоса из прошлого: эпистолярные источники тамбовских лагерей военнопленных в годы Второй мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 3 (20). С. 35–48.

УДК 97(47).084.8

Аннотация: В статье рассматривается и анализируется особый тип источников по истории создания и функционирования лагерей военнопленных в СССР в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Взяты образцы документов из двух тамбовских лагерей № 64 и № 188. Используются письма военнопленных домой родным и близким, обращения к товарищам на фронте и парадные благодарственные альбомы перед отправкой домой. Их объединяет одна главная особенность: они написаны под сильным воздействием политических отделов лагерей и должны были служить пропагандистским целям. Однако, несмотря на жесткую цензуру, в документах проскальзывает вполне достоверная информация о положении военнопленных, их отношении к войне, забота о своих родных и близких. Особый интерес вызывают письма военнопленных разных национальностей, написанные в январе — марте 1943 г., которые так и не были отправлены по назначению. Вероятно, некоторые из них оказались растражированными в виде листовок и разбросаны над линией фронта. Основная масса таких документов навсегда осталась в папке документов ГУПВИ НКВД — МВД СССР. В письмах достаточно много информации о положении в плену. Они были написаны для успокоения близких в то самое время, когда в лагерях царили массовые болезни и наблюдалась высокая смертность. Одновременно в них присутствуют постоянные просьбы о еде, табаке и некоторых предметах быта, которых остро не хватало военнопленным. В письмах рефреном проходит мысль о скором окончании войны и возвращении из плена. Воззвания, написанные военнопленными-антифашистами для своих товарищей на фронте, должны были сыграть мощную агитационную роль и воздействовать на сражающихся немецких солдат и их союзников. Парадные альбомы военнопленных, подготовленные перед отправкой домой, представляют собой еще один ценный источник, характеризующий точку зрения военнопленных-антифашистов.

Ключевые слова: война, лагерь, военнопленные, письма, альбом, НКВД, Тамбов.

Сведения об авторе: Мизис Ю. А. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей и российской истории, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия); ymizis49@yandex.ru

FOR CITATION

Mizis Yu. A. Voices from the Past: Epistolary Sources on Tambov POW Camps During the Second World War, *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 35–48.

Abstract: The article examines and analyzes a special type of sources on the history of the creation and functioning of POW camps in the USSR during the Great Patriotic War and the first post-war years. Documents from two Tambov camps No. 64 and No. 188 were taken for study. Letters of war prisoners to their relatives and friends, appeals to their comrades at the front and ceremonial thank-you albums that were written by them before they were sent home. They are united by one main feature: they were written under the strong influence of the political departments of the camps and served propaganda purposes. However, despite strict censorship, the documents contain quite reliable information about the position of prisoners of war, their attitude to the war, and concern for their relatives and friends. Of particular interest are the letters of prisoners of war of different nationalities, written in January — March 1943, which were never sent to their destination, perhaps some of them were replicated in the form of leaflets and scattered over the front line. The bulk of such documents remained forever in the folder

of documents of the State Security Committee of the NKVD of the USSR. The letters contain enough information about the situation in captivity, written to calm their relatives, while in the camps massive diseases and high mortality reigned. At the same time, there are constant requests for food, smoking and some household items, which the prisoners of war were sorely lacking. In letters, the idea of the imminent end of the war and the return from captivity is constantly refreshed. Three appeals written by anti-fascist prisoners of war for their comrades at the front were to play a powerful campaigning role and influence the German soldiers and their allies fighting at the front. Parade albums of prisoners of war prepared before sending home are another interesting source, characterizing the point of view of prisoners of war, anti-fascists.

Keywords: war, camp, prisoners, letters, album, NKVD, Tambov.

Author: Mizis Yu. A. — Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, G. R. Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia); ymizis49@yandex.ru

References:

- Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* (Moscow, 1990).
- Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla*: sbornik. Transl. s angl. i nem., eds. L. Ya. Gozmana i D. A. Leont'yeva; vstup. statja D. A. Leont'yeva (Moscow, 1990).
- Galitskiy V. P. 'Gitlerovtsy protiv Gitlera. Sozdaniye antifashistskogo dvizheniya sredi nemetskiikh voyennoplennykh ofitserov v 1941–1945 gg.', *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, no. 1, 1995.
- Galitskiy V. P. 'Sotsialno-psikhologicheskiye aspekty mezhrupponnykh otnosheniy v usloviyakh voyennogo plena', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 10, 1991.
- Khodjakov M. V. 'Perepiska inostrannykh voyennoplennykh v lageryakh NKVD — MVD Estonii vo vtoroy polovine 1940-kh gg.', *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 2, 2014.
- Khodjakov M. V. *Inostrannyye voyennyye v Velikoy Otechestvennoy voyne v NKVRVD — MVD Estonii. 1944–1949 gg.* (St. Petersburg, 2016).
- Kostenetskiy A. V. 'Voyennoplennyye v SSSR: problemy s roditelyami i vozvrashcheniye domoy (po materialam GA RF)', *Problema voyennogo plena: istoriya i sovremennost*, Vol. 2 (Vologda, 1997).
- Kuzminykh A. L. 'Nemetskiye voyennoplennyye v SSSR: sotsialno-psikhologicheskiy aspekt', *Novaya i novayshaya istoriya*, no. 1, 2006.
- Kuzminykh A. L. *Voennyy plen i internirovanie (1939–1956 gody)* (Vologda, 2016).
- Mitschi C. *Tambov. Khronika plena 1944–1945 gg. Vremya ispytaniy, nadezhd i razocharovaniy* (St. Petersburg, 2015).
- Pisma Velikoy Otechestvennoy (iz fondov GU "TSDNITO"): sb. dokumentov*, Ed. V. L. Dyachkov (Tambov, 2005).
- Sidorov S. G. 'Voennoplennyye i internirovannyye v SSSR. 1939–1956 gg.: svyaz s rodinoy', *Vestnik VolGU*, Ser. Istoriya. Filosofiya, Iss. 3, 1998.
- Voyennoplennyye v SSSR. 1939–1956 gg.: dokumenty i materialy*, Comp. M. M. Zagorulko, S. G. Sidorov, T. V. Tsarevskaya, Ed. M. M. Zagorulko (Moscow, 2000).
- Vsevolodov V. A. 'Voyennoplennyye 1941 goda (ideologicheskiye, pravovyye i voyennyye aspekty problemy)', *Problema voyennogo plena: istoriya i sovremennost*, Vol. 2 (Vologda, 1997).